

Информация для цитирования:

Алимов Т. Э. Когнитивно-прагматические механизмы эвфемизации алкоголизации в русской и узбекской лингвокультурах / Т. Э. Алимов, Э. Р. Аджеминова // Научный диалог. — 2026. — Т. 15, № 4. — С. 37—61. — DOI: 10.24224/2227-1295-2026-15-4-37-61.

Alimov, T. E., Adjeminova, E. R. (2026). Cognitive-Pragmatic Mechanisms of Euphemization of Alcoholization in Russian and Uzbek Linguistic Cultures. *Nauchnyi dialog*, 15 (4): 37-61. DOI: 10.24224/2227-1295-2026-15-4-37-61. (In Russ.).

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

Когнитивно-прагматические механизмы эвфемизации алкоголизации в русской и узбекской лингвокультурах

Алимов Тимур Эрмекович ^{1,2}
orcid.org/0000-0002-9207-8547
кандидат филологических наук
alimovcom@mail.ru

Аджеминова Эльвина Рифатовна ²
orcid.org/0000-0001-5493-4624
доктор философии (PhD)
по филологическим наукам
nochkaelvi@gmail.com

¹ Российский университет дружбы народов
имени Патриса Лумумбы
(Москва, Россия)

² Ферганский государственный университет
(Фергана, Республика Узбекистан)

Cognitive-Pragmatic Mechanisms of Euphemization of Alcoholization in Russian and Uzbek Linguistic Cultures

Timur E. Alimov ^{1,2}
orcid.org/0000-0002-9207-8547
PhD in Philology
alimovcom@mail.ru

Elvina R. Adjeminova ²
orcid.org/0000-0001-5493-4624
Doctor of Philosophy (PhD)
in Philology
nochkaelvi@gmail.com

¹ Peoples' Friendship University of Russia
named after Patrice Lumumba
(Moscow, Russia)

² Fergana State University
(Fergana, Republic of Uzbekistan)

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Цель исследования — выявить особенности эвфемистической репрезентации алкоголизации в русской и узбекской лингвокультурах. Материалом послужили данные словарей Е. П. Сеничкиной и М. Омонтурдиева, отобранные за десятилетний период с учётом контекстов речевого функционирования. Методом сплошной выборки было выделено 286 эвфемистических единиц, распределённых по восьми тематическим группам и проанализированных с применением количественного, стилистического, когнитивно-фреймового и прагматического методов. Установлено, что в обеих лингвокультурах ядро номинативного поля образуют эвфемизмы, обозначающие процесс употребления алкоголя и состояние опьянения, тогда как наименования напитков, ёмкостей, мест и мотивов занимают периферийные позиции. Выявлены доминирующие механизмы эвфемизации: метафора и метонимия, генерализация, расплывчатость выражения, литота и ироническое переосмысление. Показано, что русский корпус количественно более развёрнут и характеризуется значительной долей ироничных прозвищ пьющих и образных метафор с мифологическими и культурными ассоциациями, тогда как узбекский корпус опирается преимущественно на бытовые и физиологические образы, что связано с более жёстким религиозно-культурным табу. Подчёркивается, что в обоих языках преобладают разговорно-просторечные и фамильярно-шутливые единицы узуса.

Ключевые слова:

эвфемистические номинации алкоголизации; фреймовая семантика; когнитивно-прагматические механизмы; русская и узбекская лингвокультуры; метафора; метонимия.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The present study aims to explore the specific features of euphemistic representation of alcoholization in Russian and Uzbek linguistic cultures. The research is based on the data extracted from the dictionaries by E. P. Senichkina and M. Omonturdiyev, covering a ten-year period and taking into account the contexts of actual speech use. Employing the method of continuous sampling, a total of 286 euphemistic units were identified, classified into eight thematic groups, and analyzed through quantitative, stylistic, cognitive-frame, and pragmatic approaches. The findings reveal that in both linguistic cultures, the core of the nominative field is constituted by euphemisms denoting the process of alcohol consumption and the state of intoxication, while the designations of beverages, containers, locations, and motives occupy peripheral positions. The dominant mechanisms of euphemization include metaphor and metonymy, generalization, vagueness of expression, litotes, and ironic reinterpretation. It is demonstrated that the Russian corpus is quantitatively more extensive and is characterized by a significant proportion of ironic nicknames for drinkers and figurative metaphors with mythological and cultural connotations, whereas the Uzbek corpus predominantly relies on everyday and physiological imagery, which is associated with stricter religious and cultural taboos. The study emphasizes that in both languages, colloquial, familiar, and jocular units dominate in actual usage.

Key words:

euphemistic nominations of alcoholization; frame semantics; cognitive-pragmatic mechanisms; Russian and Uzbek linguistic cultures; metaphor; metonymy

Когнитивно-прагматические механизмы эвфемизации алкоголизации в русской и узбекской лингвокультурах

© Алимов Т. Э., Аджеминова Э. Р., 2026

1. Введение = Introduction

В современных обществах употребление алкоголя сохраняет статус одной из наиболее противоречивых и чувствительных тем, расположенных на пересечении медицинских, правовых, религиозных и морально-этических представлений. С одной стороны, алкоголь присутствует в традиционных моделях общения, праздниках и семейных ритуалах, с другой стороны, он воспринимается как источник социальных рисков и девиантного поведения. Это напряженное сочетание нормы и её нарушения приводит к формированию особых способов вербализации пьянства, в том числе к широкому использованию эвфемистических номинаций, позволяющих смягчать или маскировать негативно оцениваемые аспекты алкоголизации. В русской и узбекской лингвокультурах данная сфера дополнительно осложняется различиями религиозных установок, исторического опыта и бытовых практик, что делает сопоставительное изучение алкогольной эвфемии особенно релевантным в русле антропоцентрической лингвистики и лингвокультурологии.

Цель настоящего исследования заключается в выявлении тематической структуры, когнитивных механизмов и прагматических функций эвфемистических номинаций алкоголизации в русском и узбекском языках, а также в описании того, как посредством этих номинаций конструируется социально приемлемый образ пьянства в двух лингвокультурах. Для достижения указанной цели предполагается решить ряд взаимосвязанных задач, а именно реконструировать тематическую организацию номинативного поля алкоголизации в русском и узбекском языках, определить доминирующие модели смысловой трансформации табуированного содержания и их когнитивное основание, охарактеризовать стилистическую принадлежность и коммуникативно-прагматическое функционирование

изучаемых единиц и сопоставить полученные данные с учетом культурно-исторических различий между двумя лингвокультурами.

Научная новизна исследования заключается в следующем: 1) впервые в сопоставительном аспекте систематизированы эвфемистические номинации алкоголизации в русском и узбекском языках; 2) впервые реконструирован фрейм «ситуация употребления алкоголя» применительно к эвфемистической номинации, установлена его тематическая организация; 3) выявлены межъязыковые различия в распределении номинативных ресурсов и в типах когнитивно-прагматических механизмов эвфемизации; 4) показана зависимость способов эвфемистической репрезентации алкоголизации от культурно-религиозных и коммуникативных установок двух лингвокультур.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Материалом исследования послужили две выборки эвфемистических единиц, репрезентирующих ситуацию употребления алкоголя в русской и узбекской лингвокультурах. Первая выборка сформирована на основе «Словаря эвфемизмов русского языка» Е. П. Сеничкиной [Сеничкина, 2008], вторая — на основе «Ўзбек тилининг қисқача эвфемик лугати» М. Омонтурдиева [Омонтурдиев, 2006] (Краткий эвфемистический словарь узбекского языка). В корпус включались только те лексические единицы и фразеологизмы, которые (а) обладают прямой или метонимической соотнесённостью с ситуацией употребления алкоголя, состоянием опьянения либо участниками и атрибутами данной ситуации и (б) характеризуются устойчивым эвфемистическим узусом, явно противопоставляющим данное выражение нейтральному или прямому наименованию. Формально и семантически близкие варианты сводились к одной лемме, устойчивые словосочетания и фразеологизмы фиксировались как цельные номинации.

Материал отбирался методом сплошной выборки из указанных словарных источников с последующей верификацией в контекстах. Далее применялся комплекс методов. Во-первых, была проведена семантическая классификация отобранных единиц с распределением их по тематическим группам, соотнесённым с различными аспектами фрейма «ситуация употребления алкоголя». Под *тематической группой* понимается совокупность слов и выражений, отражающих определённый участок действительности и объединённых общим родовым значением. Опираясь на методологию, предложенную Е. П. Сеничкиной, мы выделили в каждой выборке восемь гиперсемантических групп: 1) процесс употребления алкоголя; 2) лицо (человек), употребляющий алкоголь; 3) алкогольные напитки; 4) ёмкости для алкогольных напитков; 5) место распития; 6) состояние опьянения;

7) количество выпитого; 8) мотив (причина) употребления. Во-вторых, для каждой группы произведён количественный подсчёт единиц, позволивший выявить пропорции и доминанты в номинативном поле «алкоголизация» в русском и узбекском языках. В-третьих, был выполнен анализ стилистической маркированности эвфемизмов с распределением их по основным регистрам. Наконец, с позиций когнитивно-прагматического подхода осуществлялся анализ мотивов употребления эвфемистических номинаций и приёмов смысловой трансформации, а также функциональное описание прагматического узуса, где для каждого примера устанавливались доминирующие коммуникативные функции, с последующим сопоставлением их распределения по слотам фрейма и образным моделям.

В лингвистической традиции эвфемия долгое время описывалась преимущественно в лексикографико-стилистической перспективе как «смягчающая» замена табуируемых или социально нежелательных наименований и как разновидность вторичной номинации, обеспечивающая более приемлемое оформление «неудобного» содержания [Кацев, 1988; Крысин, 1994; Москвин, 2017; Сеничкина, 2012]. На этой основе формируются более узкие трактовки, согласно которым она рассматривается либо как частный случай синонимии [Алексикова, 2009, с. 262], либо как механизм нормативной коррекции речевого поведения в зоне социально чувствительных тем [Баранова и др., 2021, с. 33], либо как стилистический ресурс вежливости и коммуникативной экономии [Романов, 2021, с. 28]. Однако подобное понимание недостаточно объясняет когнитивную мотивированность эвфемистических переименований и их динамику в дискурсе, поскольку остаётся открытым вопрос о том, как именно перестраивается знание о табуированных явлениях и почему устойчивыми оказываются определённые модели замещения.

Когнитивно-семиотический поворот в гуманитарных науках уточнил статус эвфемии и углубил её понимание. В рамках фреймовой семантики [Fillmore, 1982], теории концептуальной метафоры и метонимии [Lakoff et al., 1980], когнитивной грамматики и теории номинации эвфемия описывается как особый тип вторичной номинации [Телия, 1977, с. 129], сопровождаемый изменением профиля концепта [Болдырев и др., 2010, с. 7] и переразметкой его фреймовой структуры [Бабина и др., 2008]. Особое внимание уделяется феноменам «эвфемистической изосемии» [Вавилова, 2003, с. 41] и реноминации [Щербинина, 2006, с. 352], при которых различные способы названия сохраняют семантическую эквивалентность, изменяя лишь перспективу восприятия. В этом ключе эвфемизация предстает как когнитивный механизм концептуальной деривации, обеспечивающий репрофилирование знания за счёт переосмысления исходных признаков и

их интеграции в модифицированную структуру. В русле данного подхода Л. В. Порохницкая трактует эвфемизмы как результат переработки знания о негативно оцениваемых реалиях в соответствии с культурными нормами и ценностными установками сообщества, подчёркивая ведущую роль метафорических и метонимических сдвигов, при которых нежелательный смысл переносится в иной, культурно более приемлемый семантический домен [Порохницкая, 2014]. Среди средств вербализации представлений об алкоголе показательны метафоры типа *огненная вода*, *зелёный змий*, в которых физически и морально опасное вещество концептуализируется либо как дающее тепло, либо как демонизированное существо, что одновременно смягчает прямое название и усиливает оценочно предостерегающий компонент.

Когнитивно-прагматическую сторону эвфемии дополняет концепция фокусировки и дефокусировки смысла, предложенная О. К. Иришхановой. Эвфемизация в её интерпретации представляет собой частный случай управляемого перераспределения смыслового фокуса, при котором нежелательные или «опасные» компоненты значения выводятся на периферию сознания, а в центр внимания выдвигаются нейтральные, социально одобряемые или оценочно размытые признаки [Иришханова, 2014]. Так, обороты *принять на грудь*, *смочить горло*, *чуть-чуть расслабиться* дефокусируют собственно факт опьянения и профилируют нейтральный акт приёма чего-либо внутрь, физиологическую или эмоциональную составляющую, тогда как табуированная реализация сценария пьянства остаётся за пределами фокуса. Аналогичный эффект создают гиперонимы и перифразы, например, *спиртное*, *горячительные напитки* вместо прямого наименования *водка*, которые сохраняют связь с исходным концептом, но увеличивают дистанцию между словом и его «жёсткой» референтной зоной.

Прагматико-дискурсивные исследования дополняют когнитивное описание, показывая, как эвфемизмы функционируют в различных сферах коммуникации и выполняют функции смягчения, маскировки и переоценки социально чувствительных явлений. Показано, что в политическом и медийном дискурсах эвфемия служит инструментом регулирования публичной чувствительности и имиджевого позиционирования [Заботкина и др., 2022; Maluyga et al., 2025], в экономическом и миграционном — способом вуалирования кризисных и конфликтных явлений [Алимов и др., 2025; Шубина и др., 2025], в рекламном — элементом убеждающей риторике [Малюга и др., 2024; Antipova et al., 2021]. В эколингвистическом ключе эвфемия трактуется как ресурс «бережной» коммуникации и профилактики стигматизации уязвимых групп [Басинская, 2023; Зверева, 2023; Alimov et al., 2024]. Для настоящей работы важно, что алкогольная

эвфемия вписывается в тот же функциональный ряд, так как она позволяет смягчать и переоформлять обсуждение социально неоднозначного явления — употребления алкоголя.

Опираясь на подход Е. П. Сеничкиной, в данном исследовании эвфемистическими номинациями алкоголизации считаются лексемы и выражения, которые: 1) обозначают нежелательный или проблемный денотат в соответствии с действующими этическими, религиозными и социокультурными нормами сообщества; 2) демонстрируют семантическую опосредованность или расплывчатость, то есть не называют табуированное явление прямо, а профилируют нейтральный, бытовой, физиологический или иронически переосмысленный признак; 3) обеспечивают формальное «улучшение» образа исходного денотата по сравнению с прямой номинацией, снижая степень стилистической резкости; 4) фиксируются в устойчивом употреблении и распознаются носителями как более допустимый или шутивно-защитный способ говорить о пьянстве. Указанные единицы в рамках настоящего исследования рассматриваются как эвфемистические номинации алкоголизации и составляют объект дальнейшего количественного и когнитивно-прагматического анализа.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

Процедура отбора включала качественный анализ около четырёхсот иллюстративных контекстов 2000—2010 годов общим объёмом порядка 120 000 слов, на основе которых был сформирован аннотируемый подкорпус эвфемистических номинаций алкоголизации. В подкорпус вошли 286 единиц, удовлетворяющих критериям эвфемичности, принятым в работе. Из них 164 единицы представлены в русском языке и 122 — в узбекском. Каждая единица интерпретировалась как реализация фрейма «ситуация употребления алкоголя» с выделением соответствующего фреймового компонента, то есть процесса, актора, напитка, сосуда, локуса, состояния, количества и мотива, в русле фреймовой семантики Ч. Филлмора [Fillmore, 1982], когнитивной теории номинации Л. В. Порохницкой [Порохницкая, 2014] и концепции фокусировки и дефокусировки смысла О. К. Ирисхановой [Ирисханова, 2014]. На этой основе были выделены восемь тематических групп эвфемизмов, охватывающих основные референты ситуации употребления алкоголя в обоих языках, что отражено на диаграмме (рис. 1).

Системное сопоставление показывает (см. рис. 1), что ядро номинативного поля в обоих языках формируют эвфемистические номинации процесса употребления алкоголя и состояния опьянения. В русском материале на эти две группы приходится 104 единицы (состояние опьянения:

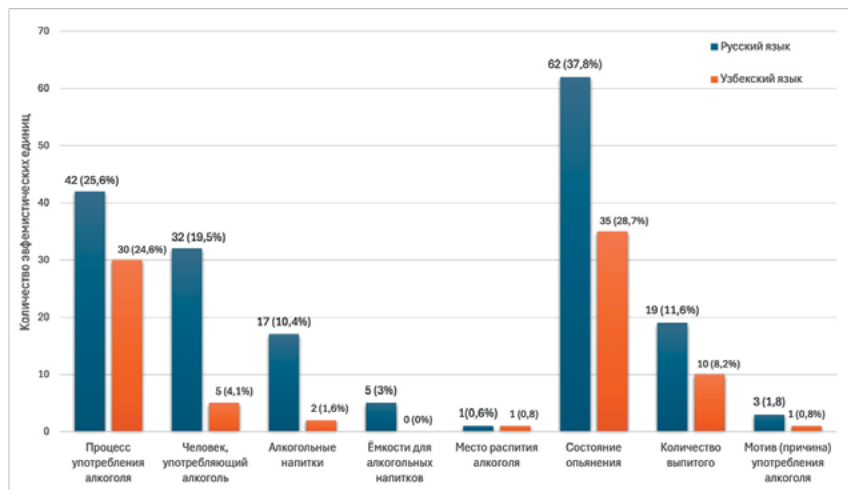

Рис. 1. Распределение эвфемистических единиц алкоголизации по тематическим группам в русском и узбекском языках

$N = 62$; 37,8 %, процесс употребления: $N = 42$; 25,6 %), что суммарно составляет 63,4 % выборки. В узбекском — 65 единиц (состояние опьянения: $N = 35$; 28,7 %, процесс употребления: $N = 30$; 24,6 %), то есть около 53 % корпуса. Тем самым подтверждается, что именно динамика события и его результативное состояние являются центральными слотами фрейма «алкоголизация», требующими наибольшей эвфемистической обработки. Периферийными оказываются обозначения напитков, ёмкостей, места и мотивов распития, что отражается как в количественных показателях, так и в когнитивной структуре фрейма: соответствующие аспекты либо отодвигаются на фон, либо вербализуются нейтральными средствами. Отметим, что ряд глагольных эвфемистических конструкций по своей внутренней форме совмещают процессуальный и количественный компоненты; в статистическом распределении (см. рис. 1) они отнесены к группе «количество выпитого», однако ниже привлекаются и как иллюстрации переосмысления сценария действия.

3.1. Эвфемистическое фреймирование процесса употребления алкоголя

Тематическая группа, репрезентирующая процесс употребления алкоголя, в русском корпусе насчитывает ($N = 42$; 25,6 %), в узбекском — лишь ($N = 30$; 24,6 %). В обеих лингвокультурах именно этот слот фрейма выступает зоной максимальной когнитивной обработки, где концентрируются

механизмы метафоризации, метонимизации и перераспределения смыслового фокуса.

В русском языке процесс питья систематически выводится из собственно физиологического плана и задаётся через метафорику физического действия и технико-производственной операции, ср.: *закладывать, залить за галстук, запускать за воротник, раздавить бутылочку, крутить, трихнуть за галстук, сообразить на троих* и др. В рамках фрейма «ситуация употребления алкоголя» это означает, что центральный слот «приём алкоголя внутрь» последовательно репрофилируется в ряд вторичных сценариев, а именно: «манипулировать предметом», «совершать механическое действие», «выполнять коллективную операцию». Сюда же примыкают метафорические модели типа «ПИТЬЁ КАК ЖЕРТВОПРИНОШЕНИЕ», ср. *приносить жертву Вакху, совершать возлияние Бахусу*; «ПИТЬЁ КАК ТРУД И ЗАНЯТИЕ», ср. *заниматься хмельным делом*. В пределах модели «ПИТЬЁ КАК НАЦИОНАЛЬНЫЙ СПОРТ» функционируют прежде всего квазиэвфемистические единицы *перепить, кто кого перепьёт, пить на спор, пить на скорость*, а также иронические перифразы *чемпион по выпивке, рекордсмен по выпивке*. Их общая особенность состоит в том, что прямое обозначение пьянства редуцируется, а сама ситуация интерпретируется через слоты спортивного фрейма: соперничество, победа, скорость, рекорд, превосходство. В результате акт питья включается в систему социально распознаваемых и культурно кодированных сценариев: на второй план отступает телесно-физиологическое содержание ситуации, тогда как в фокус выдвигаются ритуальные, деятельностные, коллективные и соревновательные параметры. Именно такое смещение профиля поддерживает устойчивость соответствующих номинаций в русском узусе.

Узбекский корпус демонстрирует сходную тенденцию, однако с иным образным наполнением и иной конфигурацией фреймовых акцентов. Здесь преобладают эвфемизмы с глагольной семантикой «отправления», «завершения», «опробования», ср.: *юзта отмоқ (выпить сто грамм), юзта-юзта қилмоқ (пить по сто грамм), юзта-юзта олмоқ (брать по сто грамм), юзта-юзта отмоқ (опрокидывать по сто грамм), юз-юз урмоқ (ударить по сто грамм), юз-юз қилмоқ (устраивать «по сто грамм»), ютиб юбормоқ (проглотить залпом), туқиб юбормоқ (всадить в себя порцию спиртного), пиёла бўшатмоқ (опустошить пиалу), қадаҳ бўшатмоқ (опустошить бокал), татиб кўрмоқ (попробовать на вкус), таъмини кўрмоқ (попробовать вкус)*. В зону актуального профилирования выдвигаются периферийные компоненты сценария действия — пробование, опустошение сосуда, повторимость количественного шага, тогда как собственно акт употребления алкоголя и последующее опьянение остаются имплицитными и

фоновыми. Концептуализация процесса питья как «проверки качества», ср. *синаб қўрмақ* (*попробовать, испытать*), *сифати аниқламоқ* (*определить качество*), как «поддержки горла», ср. *томоқ қўлламоқ* (*поддержать горло, смочить горло*) или как ритмически организованного действия «по сто», ср. *юзта-юзта* (*по сто грамм*), свидетельствует о систематическом смещении фокуса с табуированного ядра фрейма на операциональные и ритуально-количественные характеристики события. Тем самым узбекские глагольные эвфемизмы не столько прямо называют акт алкоголизации, сколько конструируют его как последовательность функционально нейтральных шагов внутри более широкого сценария застольного взаимодействия, при котором факт опьянения оказывается дефокусирован и как бы «растворён» в описании процесса.

При сопоставлении русского и узбекского материала становится очевидным, что различия касаются не только набора образов, но и способа организации фрейма «ситуация употребления алкоголя». В русском корпусе доминируют культурно маркированные и иронические модели, интегрирующие процесс питья в мифологизированные, игрово-ритуальные и квазикультовые сценарии. Тем самым актуализируется культурный слой фрейма, а акт употребления репрофилируется в событие участия в «игре» или «культе», что снижает степень прямой репрезентации девиантности и переводит её в регистр смехового осмысления. В узбекском корпусе, напротив, преобладают бытовые и телесно-практические образы, опирающиеся на опыт физического действия, телесного усилия и пошаговой организации застолья. В результате в актуальный фокус выдвигаются операциональные и физиологические компоненты сценария, тогда как сам факт опьянения и его вербализация систематически дефокусируются, что позволяет говорить о двух разных типах концептуального доминирования. Так, русская модель тяготеет к культурно-символическому и игровому профилированию события, узбекская — к телесно-практическому и нормативно-религиозному «заземлению» фрейма, коррелируя с более жёстким табу на открытое обсуждение алкоголизации и предпочтением непрямым, функционально мотивированным описаниям.

3.2. Эвфемистическое конструирование фигуры пьющего

Группа «человек, употребляющий алкоголь» количественно значительно различается в двух выборках. В русском корпусе насчитывается ($N = 32$; 19,5 %), в узбекском — всего ($N = 5$; 4,1 %), что свидетельствует о разной степени «фокусировки» акторного слота. В русском языке личность пьющего оказывается в центре оценочного внимания, в узбекском — преимущественно выводится на периферию, а фокус переносится на действие и состояние.

В русском материале фигура пьющего концептуализируется через разветвлённую сеть номинаций, опирающихся на несколько пересекающихся когнитивных моделей. Во-первых, задействуется метафора «ЧЕЛОВЕК КАК УЧАСТНИК КУЛЬТА И ИГРЫ», ср. *поклонник Бахуса, приверженец Бахуса, угодник Бахуса, любитель выпить*, которая вписывает пьющего в квазирелигиозный или игрово-ритуальный сценарий и тем самым репрофилирует его статус, где вместо прямого обозначения девиантного поведения актуализируется роль «посвящённого» участника особого сообщества. Во-вторых, используется семантика социальной девиации («асоциальный», «асоциальная категория населения»), переводящая характеристику на уровень социальной типизации и дистанцирующая говорящего от объекта оценки. В-третьих, продуктивна метонимическая стратегия, при которой фигура пьющего обозначается через телесные и поведенческие маркеры, такие как *клюквенный нос, фрамбауз, выводить вавилоны, писать кренделя ногами*. Тем самым мы видим, что акторный слот насыщается вторичными признаками, а прямое имя пьяницы систематически дефокусируется за счёт реноминации. Ироническая переоценка и игровое обыгрывание этих признаков создают типичный для русской лингвокультуры эффект совмещения осуждения и смеховой разгрузки, когда социально неодобряемый тип поведения признаётся и одновременно «разряжается» посредством комического профилирования.

В узбекском корпусе, напротив, устойчивые эвфемистические номинации пьющего человека практически не образуют самостоятельного продуктивного ряда. Актор либо обозначается относительно нейтрально или почти прямо, ср. *майхўр (любитель спиртного), араққа мойил киши (человек, склонный к употреблению спиртного)*, либо выводится за пределы прямой номинации через описательные конструкции типа *ул кишининг ўзга аҳволи (у этого человека «другое» состояние)*, где в зону фокуса попадает не личность, а её изменённое состояние, что свидетельствует о слабой лексической разработанности акторного слота и его систематическом вытеснении на периферию. Внимание смещается к результативному состоянию и к самому сценарию опьянения, тогда как индивидуальный носитель девиации остаётся обезличенным. Подобная стратегия может интерпретироваться как способ снятия прямой персональной маркировки порока, где культура избегает открытого навешивания ярлыков на конкретного человека, предпочитая дефокусировать субъект и говорить либо о типизированном носителе свойства, либо о временном «ином состоянии». Это демонстрирует принципиально разные модели обработки акторного компонента фрейма, так, русская система центрирует его и активно развивает ряды иронических реноминаций, узбекская — минимизирует и маскирует,

усиливая тем самым нормативно-религиозный контроль над самим фактом обсуждения пьянства.

3.3. Эвфемистические наименования алкогольных напитков и ёмкостей

Группа «алкогольные напитки» количественно представлена менее всего по сравнению с ядром фрейма, однако именно здесь максимально концентрируются метафорические механизмы эвфемизации. В русском материале данная группа включает 10,4 % номинаций (N = 17), в узбекском корпусе фиксируется 1,6 % единиц от общего числа проанализированных языковых фактов (N = 2). При этом слот «НАПИТОК» демонстрирует высокую степень концептуальной деривации, когда исходный денотат «спиртной напиток» систематически перепрофилируется через разные домены опыта, что позволяет смещать фокус с опасных свойств алкоголя на культурно и социально легитимированные характеристики.

В русском корпусе это реализуется через разветвлённый ряд номинаций *горячительное, крепкие напитки, сорокаградусная, огненная вода, живая вода, жидкая валюта, зелёный змей, злая водица, дары Вакха, увеселительный напиток*. Указанные единицы воплощают несколько пересекающихся моделей, среди которых «НАПИТОК КАК ТЕПЛО и ЗАЩИТА», «НАПИТОК КАК МИФИЧЕСКОЕ СУЩЕСТВО», «НАПИТОК КАК РЕСУРС и ЦЕННОСТЬ», означающие, что вместо профилирования химически сильнодействующей субстанции на передний план выдвигаются функции согревания, приобщения к особому мифологизированному миру или обладания ценным ресурсом. Тем самым достигается когнитивный эффект дефокусирования табуированного ядра сценария и одновременно создаётся амбивалентная оценка, сочетающая игровое обыгрывание и частичное оправдание употребления.

В узбекском материале, несмотря на компактность группы, прослеживается своя устойчивая конфигурация образов. Номинации типа *тентак сув (глупая вода), шайтон суви (вода злого духа), захри қотил (смертельный яд), оқ оғу (белый яд) и ақлни олувчи нарса (то, что отнимает разум)* выстраивают модель «АЛКОГОЛЬ КАК ДЕВИАНТНАЯ СУБСТАНЦИЯ», которая разрушает тело и сознание. Здесь фрейм напитка профилируется не через комфорт и ценность, а через поражающий эффект, угрозу жизни и утрату разума, что усиливает аксиологически негативный вектор и коррелирует с жёстким религиозно-нравственным табу на употребление алкоголя. Параллельно функционируют более нейтральные перифразы *узум суви (виноградная вода), оқбўта (белое облачко), чашма (родник)*, смещающие фокус на исходное сырьё или уподобляющие напиток воде и чаю. Особое место занимает религиозно маркированная номинация *обирахмат (благо-*

датная вода), поскольку её прямое словарное значение связано не с алкоголем, а с представлением о благодатных осадках, ниспосланных свыше. Поэтому в данном контексте она может рассматриваться только как контекстуально-ироническая перифраза, сакрализирующая или маскирующая запретный денотат. Однако и в этом случае сохраняется дистанция между прямой номинацией *арақ (водка)* и смягчённым обозначением, за счёт чего «жёсткая» референтная зона оказывается отодвинутой на фон.

Отдельного внимания заслуживает тематическая подгруппа «ёмкости для напитков», которая в русском корпусе представлена пятью номинациями: *литровка, литрочка, маленькая, махонькая, мерзавчик*. Здесь последовательно реализуется метонимический сдвиг от содержимого к сосуду, когда в качестве профилируемого признака актуализируется объём и размер тары, а сам алкогольсодержащий продукт дефокусируется. Ёмкость становится самостоятельным объектом эфемистического именованя, её образ заполняет соответствующий слот фрейма, и её именованя закрепляются в узусе. В узбекском материале сопоставимая подгруппа не формируется, поскольку лексемы *пиёла (пиала), рюмка (рюмка), стакан (стакан), қадаҳ (бокал)* активно участвуют в глагольных конструкциях типа *пиёла бўшатмоқ (выпить пиалу до дна), рюмка уриштирмоқ (чокнуться рюмками)*, но остаются компонентами предикативного комплекса, не выступая самостоятельными эфемистическими наименованиями. Данное расхождение указывает на неодинаковую степень концептуальной проработанности атрибутивных элементов сценария питья, при этом в русской традиции ёмкость может выступать как носитель оценочного и игрового потенциала, тогда как в узбекской она функционирует преимущественно как технический элемент описания действия и не выносится в отдельный объект эфемизации.

3.4. Локус и мотивы употребления алкоголя

Тематическая группа «место распития алкоголя» в обеих выборках остаётся статистически маргинальной (в русском корпусе $N = 1; 0,6 \%$, в узбекском корпусе $N = 1; 0,8 \%$), что указывает на периферийный характер локативного слота во фрейме «алкоголизация». В русской выборке единственная единица *увеселительное заведение* репрофилирует исходные денотаты кабак, бар, питейное заведение в более нейтральный и оценочно смягчённый домен «пространство развлечения», где фокус переносится с функции систематического употребления алкоголя на функцию досуга и развлечения. В узбекской традиции аналогичный приём реализуется в эфемистических наименованиях типа *роҳат (наслаждение), роҳат хат олишхонаси (отделение по приёму писем «наслаждения»)*, закреплённых в сатирическом дискурсе и замещающих прямые номинации чайханы или нелегальной точки продажи спиртного, то есть формально обозначается

«отделение писем» или магазин сладостей, а фактически актуализируется сценарий регулярных возлияний. В обоих случаях локус вербализуется через внешне «невинное» пространство, а компонент «место употребления алкоголя» переводится в имплицитную зону и восстанавливается за счёт фоновых знаний адресата. Таким образом, локативный слот фрейма заполняется за счёт механизмов дефокусировки табуированного признака и фокусировки на социально приемлемой институциональной или коммерческой оболочке, что особенно показательно для дискурсивных практик, где прямое обозначение питейного заведения нежелательно.

Ещё более периферийным оказывается мотивационный слот. В русском корпусе он представлен лишь $N = 3$; 1,8 %, в узбекском корпусе $N = 1$; 0,8 %, что свидетельствует о том, что культурно чувствительные причины употребления алкоголя преимущественно оставляются за пределами эксплицитной номинации и реконструируются по контексту. Русские выражения типа *заливать горе*, *заливать тоску*, *принимать для храбрости* моделируют ситуацию в терминах целенаправленного компенсаторного действия, при котором физическое употребление спиртного репрофилируется в инструмент достижения психологической цели, такой как снижение тревоги или преодоление страха. Внутри фрейма «алкоголизация» это приводит к смещению фокуса с биохимического воздействия вещества на сферу эмоциональных состояний субъекта и тем самым частично легитимирует поведение через апелляцию к человеческой слабости. Узбекская формула *соғлиқ учун (для здоровья)* функционирует по сходному принципу, где мотив «заботы о здоровье» и благопожелательный ритуальный компонент выводятся на передний план, тогда как собственно мотив опьянения остаётся фоновым. Здесь мотив употребления интегрируется в сценарий коллективного тоста и праздничного взаимодействия, что снижает степень индивидуальной ответственности и переводит оценку в ритуально-нормативный регистр. Отсутствие продуктивного ряда мотивационных эвфемизмов в узбекском корпусе в целом, как и единичность соответствующих единиц в русском, отражает общую стратегию лингвокультурного избегания прямой рефлексии причин пьянства, то есть мотивационный слот либо заполняется стереотипными формулами с позитивным или нейтральным содержанием, либо остаётся имплицитным, что ещё раз подтверждает доминирующую роль механизмов дефокусирования при вербализации наиболее чувствительных аспектов сценария алкоголизации.

3.5. Эвфемистическое моделирование состояния опьянения и количества выпитого

Наиболее развернутой в обеих выборках оказывается группа, обозначающая состояние опьянения, в русском корпусе — $N = 62$; 37,8 %,

в узбекском корпусе — $N = 35$; 28,7 %. В структуре фрейма «ситуация употребления алкоголя» данный фрагмент выступает как центральный результативный слот, в котором максимально концентрируются когнитивные операции переосмысления телесных и ментальных состояний субъекта. Именно здесь проявляется напряжённое взаимодействие двух разнонаправленных тенденций, а именно стремления смягчить прямое именование нежелательного результата и одновременно необходимости эксплицитно обозначить изменённость состояния как социально значимый факт.

Русский материал демонстрирует чёткую внутреннюю стратификацию данной группы: одна подсистема лексем описывает лёгкую степень опьянения, другая — тяжёлую. В первую входят номинации *навеселе, под мухой, под градусом, подшофе, с мухой в голове, тёпленький, в подпитии, на кураже*, которые опираются на метафорические модели «тепла», «возвышения» и «наличия постороннего агента». Здесь репрофилируются периферийные сенсорные и эмоциональные признаки, когда акцент переносится на лёгкий подъём настроения, ощущение тепла, присутствие некоторой внешней силы, «подкручивающей» состояние субъекта, тогда как компонент «сильно изменённая работоспособность» остаётся в имплицитной зоне. Вторая подсистема охватывает обозначения тяжёлой степени опьянения, ср. в *стельку, никакой, минус ноль, на автопилоте, некрепок на ногах, перебрать, хлебнуть лишнего*, где актуализируются образы утраты контроля, технической перегрузки, перехода в иной режим функционирования. В этом случае результативный слот заполняется признаками нарушенной координации, автоматизированного поведения, «выключения» обычного режима субъективного контроля. В обоих подпластах работает механизм смены профиля, поскольку вместо прямого признака «пьяный» в фокус выдвигаются телесные ощущения, параметры двигательной сферы, образ внешней силы или техники, что позволяет одновременно признать факт изменённого состояния и снизить прямую оценочную жёсткость.

Узбекский материал воспроизводит общий когнитивный каркас, но наполняет его иным типом образности. Эвфемистические конструкции с глагольным компонентом *маст бўлмоқ* сгруппированы вокруг моделей «ТЕЛО КАК ПРЕДМЕТ и СТРОИТЕЛЬНЫЙ МАТЕРИАЛ» и «СОЗНАНИЕ КАК ИСТОЧНИК СВЕТА и ЭНЕРГИИ», ср. *қарахт бўлмоқ (оценить), лақиллаб қолмоқ (еле держаться на ногах), гишт бўлиб қолмоқ (окаменеть), тахта бўлиб қолмоқ (задеревенеть), қотиб қолмоқ (застыть), кўлаб кетмоқ (перебрать), оламдан ўтмоқ (отключиться от реальности), ўчиб қолмоқ (вырубиться), учиб қолмоқ (вырубиться), тайёр бўлиб олмоқ (стать готовым), кайф ошмоқ (быть под сильным кайфом), иккита бўлиб кўринмоқ (двоиться в глазах) и др.* Состояние опьянения

здесь концептуализируется как окаменение, превращение тела в инертный объект, «выключение» или «перегорание» сознания, раздвоение воспринимаемой реальности. Внутри фрейма результативный слот заполняется не сглаженными, а, напротив, гиперболизированными признаками деградации телесного и ментального контроля, тогда как собственно факт предшествующего употребления алкоголя остаётся фоном. Такая конфигурация указывает на иной баланс между эвфемизацией и стигматизацией, когда смягчается эксплицитное указание на акт пьянства как волевой выбор, но максимально усиливается образ разрушительного последствия. Иконичность телесно-грубых метафор делает оценку опьянения практически однозначной, что коррелирует с более жёсткой религиозно-нравственной санкцией в узбекской лингвокультуре.

Группа «количество выпитого» также демонстрирует системные типологические различия при том, что в обоих случаях реализуется сходная фреймовая задача маскировки или концептуальной реорганизации восприятия меры употребления. В русском корпусе такие единицы (N = 19; 11,6 %) распределяются между моделями «МАЛО ВЫПИТЬ» и «МНОГО ВЫПИТЬ» при явном доминировании второй. Выражения *закладывать за галстук, заливать за галстук, запускать за галстук, пропускать за галстук, накапать, накачаться, прикладываться к бутылке* переводят количественный слот фрейма в плоскость динамического действия. Количество выпитого кодируется не через числовые показатели, а через интенсивность и повторяемость действия, и фокус смещается с параметра «объём» на параметр «характер манипуляции». В результате создаётся эффект эвфемистической «размытости» меры, поскольку очевидно, что речь идёт о значительном потреблении, но степень превышения нормы не поддаётся точной вербализации и поэтому воспринимается менее однозначно.

В узбекском корпусе единиц (N = 10; 8,2 %) количественный аспект, напротив, эксплицируется преимущественно через числительные и меры: *бир икки хўллаганман (я только один-два раза намочил губы), юзта отмоқ (выпить «соточку»), юзта-юзта қилмоқ (делать по сто грамм), юзта-юзта олмоқ (брать по сто грамм)* и др. Здесь количественный слот организуется как последовательность дискретных шагов, поскольку каждая порция репрезентируется как формально ограниченная единица, тогда как суммарный объём остаётся вне фокуса. Модель «по сто грамм» придаёт высказыванию видимость точности, но на уровне фрейма выполняет эвфемистическую функцию маскировки общей меры за счёт акцентирования ритма повторяющегося действия. Таким образом, в русской традиции количественный параметр прячется за образом интенсивного действия, а в узбекской — за игрой с числовой нормой и поэтапной структурой сце-

нария. В обоих случаях происходит дефокусирование прямого указания на «много выпито», однако используются разные когнитивные ресурсы: в одном случае — динамика действия, в другом — псевдоточная счётность.

3.6. Стилистический профиль эвфемистических подсистем

Стилистический анализ показал, что в обоих языках эвфемистические номинации алкоголизации концентрируются в зоне сниженной, разговорной и просторечной лексики (рис. 2).

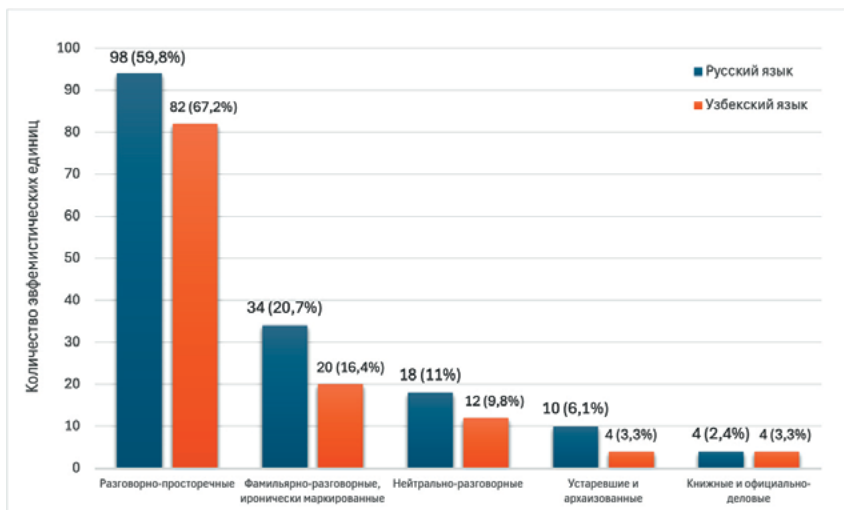

Рис. 2. Стилистическое распределение эвфемистических единиц алкоголизации в русском и узбекском языках

Данные, представленные на диаграмме (рис. 2), свидетельствуют о том, что в русском корпусе разговорно-просторечные эвфемизмы составляют 59,8 % выборки (N = 98), фамиллярно-разговорные и иронически маркированные единицы — 20,7 % (N = 34), нейтрально разговорные единицы — 11,0 % (N = 18), устаревшие единицы — 6,1 % (N = 10), книжные и официально деловые единицы — 2,4 % (N = 4). В узбекском материале доля разговорно-просторечных единиц ещё выше (N = 82; 67,2 %), фамиллярно-шутливые единицы составляют 16,4 % (N = 20), нейтрально разговорные единицы — 9,8 % (N = 12), архаизованные и официально-книжные единицы — по 3,3 % (N = 4). Эти данные подтверждают, что механизмы эвфемизации алкоголизации формируются прежде всего в зоне неформального, разговорно-просторечного общения, тогда как официальный и медийно-нормативный регистр оперирует лишь ограниченным набором

относительно нейтральных замен. Подобное распределение объясняется тем, что именно в неофициальной коммуникации возникает наибольшая потребность в тонком управлении смысловым фокусом, смягчении оценки и снижении конфронтационного потенциала высказывания. Так, в русской традиции это достигается преимущественно за счёт иронического переосмысления и игровых метафор, тогда как в узбекской — за счёт телесно-бытовых образов и ситуативного юмора при общей тенденции к маскировке прямого наименования запрещённого объекта.

3.7. Прагматические функции эвфемистических номинаций алкоголизации

В целях уточнения коммуникативного статуса анализируемых единиц отдельного рассмотрения требует их прагматическая нагрузка. На основе количественных данных, суммированных на диаграмме (рис. 3), были выделены и сопоставлены основные функции эвфемистических номинаций алкоголизации в русском и узбекском корпусах, а также их распределение по тематическим слотам фрейма «ситуация употребления алкоголя».

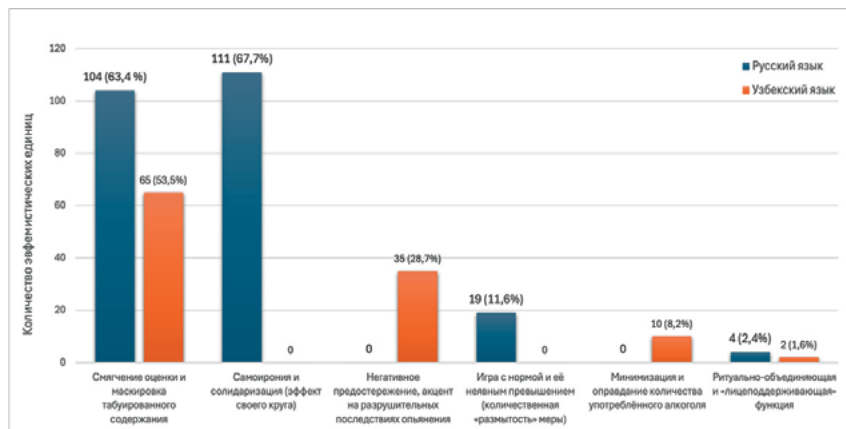

Рис. 3. Распределение прагматических функций эвфемистических номинаций алкоголизации по тематическим слотам фрейма в русском и узбекском языках

В прагматическом отношении полученные данные свидетельствуют о том, что ведущими функциями алкогольных эвфемизмов в обоих языках выступают смягчение оценки и маскировка табуированного содержания. Это в первую очередь касается единиц, относящихся к слотам «процесс употребления алкоголя» и «состояние опьянения» (слоты 1 и 6). В русском корпусе на них суммарно приходится 63,4 % (N = 104) единиц (процесс употребления: N = 42; 25,6 %, состояние опьянения: N = 62; 37,8 %),

в узбекском — 53,3 % (N = 65) единиц (процесс употребления: N = 30; 24,6 %, состояние опьянения: N = 35; 28,7 %). В подавляющем большинстве контекстов эти номинации оформляют ситуацию как менее резкую, «обыденную», нередко и игровую или ритуализованную. В русском корпусе функция смягчения систематически сочетается с самоиронической и солидаризационной. Ироничные прозвища пьющего и метафорические обозначения напитков, а также образные перифразы состояния опьянения, сосредоточенные преимущественно в слотах «человек, употребляющий алкоголь», «алкогольные напитки» и «состояние опьянения» (слоты 2, 3 и 6; в совокупности N = 111; 67,7 %), создают эффект «своего круга», в пределах которого девиантное поведение частично нормализуется через смеховую разрядку. Для узбекского корпуса, напротив, более типична комбинация маскировки прямого наименования с подчёркиванием разрушительных последствий, где телесно-грубые метафоры состояния опьянения (слот 6; N = 35; 28,7 %) выполняют функцию негативного предостережения и поддерживают религиозно-нравственный запрет при сохранении не прямой вербализации самого факта употребления.

Отдельные тематические группы реализуют более специализированные прагматические функции. Так, выражения, относящиеся к слоту «количество выпитого» (слот 7), в русском корпусе представлены единицами, составляющими 11,6 % (N = 19), и преимущественно служат для языкового «обыгрывания» понятия нормы и идеи её неявного превышения: динамика действия создаёт эвфемистическую «размытость» меры и позволяет избегать прямого указания на чрезмерность потребления. В узбекском корпусе данный слот репрезентирован несколько меньшим числом единиц материала (N = 10; 8,2 %); конструкции с числительными демонстрируют прагматику минимизации и оправдания, при которой количественный параметр формально эксплицируется, но подаётся как совокупность внешне умеренных «шагов». Эвфемистические наименования локуса и мотива употребления (слоты 5 и 8) занимают периферийное положение. Так, в русском корпусе присутствует в совокупности 4 единицы (N = 4; 2,4 %; а именно: место распития: N = 1; 0,6 %, мотив: N = 3; 1,8 %), в узбекском — 2 единицы (N = 2; 1,6 %; а именно: место распития: N = 1; 0,8 %, мотив: N = 1; 0,8 %). Формулы типа «увеселительное заведение» обеспечивают ритуально-объединяющий эффект и реализацию речевой тактики «сохранения лица» (или минимизации потери лица), поскольку они оформляют ситуацию как социально приемлемую форму досуга или заботы о здоровье, снижают конфронтационный потенциал прямого высказывания о пьянстве и перераспределяют ответственность за акт употребления с индивидуально-го выбора на коллективный и ритуализованный сценарий.

Таким образом, результаты сопоставительного анализа свидетельствуют о том, что эвфемистические номинации алкоголизации в русском и узбекском языках при общей фреймовой организации характеризуются различной культурно обусловленной семантической наполненностью. Дифференциация в распределении когнитивных механизмов и доминирующих образных моделей отражает неодинаковые стратегии концептуализации и вербализации табуированного опыта, что позволяет рассматривать алкогольную эвфемию как маркер национально-культурных установок.

4. Заключение = Conclusions

Проведённое исследование позволило описать эвфемистические номинации алкоголизации в русском и узбекском языках в единой когнитивно-прагматической рамке с опорой на фреймовую семантику, теорию концептуальной метафоры и метонимии, а также концепцию фокусировки и дефокусировки смысла. Реконструкция фрейма ситуации употребления алкоголя показала, что в обеих лингвокультурах его ядро формируют эвфемистические обозначения процесса употребления и состояния опьянения, тогда как номинации напитков, ёмкостей, места и мотивов употребления занимают периферийные позиции. Тем самым подтверждается, что основные усилия эвфемизации сосредоточены вокруг динамики табуированного события и его результативных последствий для субъекта, а не вокруг внешних атрибутов ситуации.

Сопоставление тематических групп продемонстрировало, что при общей фреймовой архитектуре русская и узбекская подсистемы эвфемизмов алкоголизации существенно различаются по степени лексической развернутости и характеру образности. Русский корпус количественно богаче, в нём значительно более полно репрезентирован акторный слот, что проявляется в разветвлённой системе ироничных прозвищ пьющего человека и метафорических наименований алкогольных напитков. Узбекский корпус более компактен и ориентирован преимущественно на описания процесса и состояния, причём фигура пьющего намеренно выводится на периферию, а оценка фокусируется на телесных и психических последствиях опьянения. Это отражает разные культурные сценарии обработки табуированного опыта: в русском — преобладают самоирония и игровое обыгрывание, в узбекском — акцент на разрушительности состояния и жёсткой религиозно-нравственной санкции.

Анализ когнитивных механизмов показал, что в обеих лингвокультурах эвфемизация реализуется через сходный набор процедур метафорической и метонимической деривации, генерализации и семантической «размытости», иронической реноминии и управления смысловым фокусом.

Вместе с тем распределение указанных механизмов по слотам фрейма и выбор доминирующих образов дифференцируются. В русском материале преобладают культурно-мифологические и игрово-ритуальные метафоры, в узбекском — систематически актуализируются телесно-бытовые и религиозно маркированные представления. Можно утверждать, что обе системы демонстрируют управляемое перераспределение фокуса между табуированным ядром и периферийными признаками, однако в русском языке это перераспределение часто сопровождается смеховой переработкой и снижением напряжения, в узбекском — сохраняет более строгий аксиологический вектор и ориентировано на предотвращение открытой стигматизации при одновременном усилении предостерегающего эффекта.

Стилистический анализ подтвердил, что эвфемистические номинации алкоголизации в обоих языках концентрируются преимущественно в зоне разговорно-просторечной и фамильярно-шутливой лексики, тогда как официальный и медийно-нормативный регистр оперирует ограниченным набором относительно нейтральных замен. Это согласуется с когнитивно-прагматической трактовкой эвфемии как механизма гибкого управления смысловым фокусом, который особенно востребован в неформальной коммуникации, где необходимо одновременно обозначить социально неоднозначный опыт и смягчить его оценку. В совокупности полученные результаты позволяют рассматривать алкогольную эвфемию как чувствительный индикатор национально-культурных установок в отношении пьянства, фиксирующий баланс между нормой и девиацией, осуждением и оправданием, табуированием и вербализацией.

Отдельно следует указать на ограниченность эмпирической базы, обусловленную спецификой источников. Анализ опирался преимущественно на словарные фиксации и письменные контексты 2000—2010 годов. Тем самым за пределами рассмотрения остаются наиболее новые слои молодёжного сленга, а также эвфемистические практики, характерные для устной спонтанной речи и цифрового общения. Данное обстоятельство не уменьшает полученных результатов, но задаёт важный вектор дальнейших исследований, предполагающий расширение корпуса за счёт современных медийных и устно-разговорных данных и проверку выявленных когнитивно-прагматических закономерностей на более широком материале.

Заявленный вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.	Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.
---	---

Источники и принятые сокращения

1. *Омонтурдиев А.* Ўзбек тилининг қисқача эвфемик лугати / А. Омонтурдиев. — Тошкент : Фан, 2006. — 135 б.
2. *Сеничкина Е. П.* Словарь эвфемизмов русского языка / Е. П. Сеничкина. — Москва : Флинта ; Наука, 2008. — 458 с. — ISBN 978-5-9765-0219-2.

Литература

1. *Алексикова Ю. В.* Эвфемия как частный случай синонимии / Ю. В. Алексикова // Вестник Тамбовского университета. Серия : Гуманитарные науки. — 2009. — № 6. — С. 261—267.
2. *Алимов Т. Э.* Когнитивно-семантические механизмы эвфемизации бедности в русском и узбекском медийном дискурсе / Т. Э. Алимов, Р. А. Сафина // Научный диалог. — 2025. — Т. 14. — № 7. — С. 183—212. — DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-7-183-212.
3. *Бабина Л. В.* Когнитивные основы формирования окказиональных значений сложных слов, образованных по модели N + N / Л. В. Бабина, Д. А. Шепелева // Вопросы когнитивной лингвистики. — 2008. — № 2. — С. 39—50.
4. *Баранова К. М.* Эвфемизация речи на современном этапе развития английского языка / К. М. Баранова, О. В. Афанасьева // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия : Филология. Теория языка. Языковое образование. — 2021. — № 1 (41). — С. 32—41. — DOI: 10.25688/2076-913X.2021.41.1.04.
5. *Басинская М. В.* Эвфемизмы в экологическом дискурсе современного английского языка / М. В. Басинская // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — 2023. — Т. 16. — № 4. — С. 1134—1139. — DOI: 10.30853/phil20230179.
6. *Болдырев Н. Н.* Когнитивный аспект эвфемизации (на материале английского языка) / Н. Н. Болдырев, Ю. В. Алексикова // Вопросы когнитивной лингвистики. — 2010. — № 2. — С. 5—11.
7. *Вавилова Л. Н.* К вопросу об эвфемизации современной русской речи / Л. Н. Вавилова // Русская и сопоставительная филология : системно-функциональный аспект. — Казань : [б. и.], 2003. — С. 40—44.
8. *Ермоленкина Л. И.* Дискурсивная интеграция в коммуникативном пространстве конвергентного радио / Л. И. Ермоленкина // Язык и культура. — 2021. — № 54. — С. 8—24. — DOI: 10.17223/19996195/54/1.
9. *Заботкина В. И.* Когнитивные механизмы эвфемизации манипулятивного характера / В. И. Заботкина, Е. М. Позднякова // Вопросы когнитивной лингвистики. — 2022. — № 4. — С. 55—64. — DOI: 10.20916/1812-3228-2022-4-55-64.
10. *Зверева М. И.* Эвфемизмы в современной публицистике как индикаторы состояния языковой среды : диссертация ... кандидата филологических наук : 5.9.5 / М. И. Зверева. — Санкт-Петербург, 2023. — 164 с.
11. *Ирисханова О. К.* Игры фокуса в языке : семантика, синтаксис и прагматика дефокусирования / О. К. Ирисханова. — Москва : Языки славянской культуры, 2014. — 320 с. — ISBN 978-5-9551-0678-6.
12. *Кацев А. М.* Языковое табу и эвфемия / А. М. Кацев. — Ленинград : Ленинградский государственный педагогический институт имени А. И. Герцена, 1988. — 80 с.
13. *Крысин Л. П.* Эвфемизмы в современной русской речи / Л. П. Крысин // Русистика. — 1994. — № 1—2. — С. 28—49.
14. *Малюга Е. Н.* Прагматическая пресуппозиция в заголовках англоязычных бизнес-медиа как элемент манипулятивной риторики / Е. Н. Малюга, Г. О. Петросян // Вест-

ник Томского государственного университета. Филология. — 2024. — № 91. — С. 104—130. — DOI: 10.17223/19986645/91/6.

15. Москвин В. П. Эвфемизмы в лексической системе современного русского языка / В. П. Москвин. — Москва : URSS, 2017. — 262 с. — ISBN 978-5-9710-4522-9.

16. Порохницкая Л. В. Концептуальные основания эвфемии в языке (на материале английского, немецкого, французского, испанского и итальянского языков) : автореферат диссертации ... доктора филологических наук : 10.02.19 / Л. В. Порохницкая. — Москва, 2014. — 45 с.

17. Романов С. И. Лингвокультурологический аспект эвфемизмов русского языка : диссертация ... кандидата филологических наук : 10.02.01 / С. И. Романов. — Тула, 2021. — 175 с.

18. Телия В. Н. Вторичная номинация и ее виды / В. Н. Телия // Языковая номинация (Виды наименований). — Москва : Наука, 1977. — С. 129—221.

19. Шубина Э. Л. Эвфемизация в рамках миграционного дискурса в немецкой публицистике / Э. Л. Шубина, Р. С. Шелехова // Научный диалог. — 2025. — Т. 14. — № 3. — С. 156—176. — DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-3-156-176.

20. Щербинина Ю. В. Вербальная агрессия / Ю. В. Щербинина. — Москва : URSS, 2006. — 360 с. — ISBN 978-5-382-00631-4.

21. Alimov T. E. Structural organization of the euphemistic text of the Uzbek language on the example of the nominative field “O‘lmok” (“to die”) / T. E. Alimov, G. N. Davlatova, K. R. Sultanova // RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics. — 2024. — Vol. 15. — № 4. — Pp. 1128—1147. — DOI: 10.22363/2313-2299-2024-15-4-1128-1147.

22. Antipova A. S. Semantic shift in conflict terminology in contemporary Russian socio-cultural media discourse / A. S. Antipova, M. D. Rabeson, O. V. Smirnova // Training, Language and Culture. — 2021. — Vol. 5. — № 2. — Pp. 73—89. — DOI: 10.22363/2521-442X-2021-5-2-73-89.

23. Fillmore C. J. Frame semantics / C. J. Fillmore // Linguistics in the Morning Calm : Selected Papers from SICOL-1981. — Seoul : Hanshin Publ., 1982. — Pp. 111—137.

24. Lakoff G. Metaphors we live by / G. Lakoff, M. Johnson. — Chicago : Univ. of Chicago Press, 1980. — 256 p. — ISBN 978-0-226-46801-3.

25. Malyuga E. N. A functional-pragmatic approach to wealth-related euphemisms study in business discourse / E. N. Malyuga, B. Tomalin // Russian Journal of Linguistics. — 2025. — Vol. 29. — № 3. — Pp. 473—491. — DOI: 10.22363/2687-0088-44130.

Статья поступила в редакцию 06.12.2025,
одобрена после рецензирования 11.04.2026,
подготовлена к публикации 30.04.2026.

Material resources

Omonturiev, A. (2006). *Euphemism of the Uzbek language*. Tashkent: Fan Publ. 135 p. (In Kyrgyz.).

Senichkina, E. P. (2008). *Dictionary of euphemisms of the Russian language*. Moscow: Flinta; Nauka. 458 p. ISBN 978-5-9765-0219-2. (In Russ.).

References

Alexikova, Yu. V. (2009). Euphemism as a special case of synonymy. *Bulletin of Tambov University. Series: Humanities*, 6: 261—267. (In Russ.).

- Alimov, T. E., Davlatova, G. N., Sultanova., K. R. (2024). Structural organization of the euphemistic text of the Uzbek language on the example of the nominative field “O‘lmok” (“to die”). *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 15 (4): 1128—1147. DOI: 10.22363/2313-2299-2024-15-4-1128-1147.
- Alimov, T. E., Safina, R. A. Cognitive-Semantic Mechanisms of Poverty Euphemization in Russian and Uzbek Media Discourse. *Nauchnyi dialog*, 14 (7): 183—212. <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2025-14-7-183-212>. (In Russ.).
- Antipova, A. S., Rabeson, M. D., Smirnova, O. V. (2021). Semantic shift in conflict terminology in contemporary *Russian socio-cultural media discourse. Training, Language and Culture*, 5 (2): 73—89. DOI: 10.22363/2521-442X-2021-5-2-73-89.
- Babina, L. V., Shepeleva, D. A. (2008). Cognitive foundations of the formation of occasional meanings of complex words formed according to the N + N model. *Questions of cognitive linguistics*, 2: 39—50. (In Russ.).
- Baranova, K. M., Afanasyeva, O. V. (2021). Euphemization of speech at the present stage of the development of the English language. *Bulletin of the Moscow City Pedagogical University. Series: Philology. Theory of language. Language education*, 1 (41): 32—41. DOI: 10.25688/2076-913X.2021.41.1.04. (In Russ.).
- Basinskaya, M. V. (2023). Euphemisms in the ecological discourse of modern English. *Philological sciences. Questions of theory and practice*, 16 (4): 1134—1139. DOI: 10.30853/phil20230179. (In Russ.).
- Boldyrev, N. N., Alexikova, Yu. V. (2010). The cognitive aspect of euphemization (based on the material of the English language). *Questions of cognitive linguistics*, 2: 5—11. (In Russ.).
- Ermolenkina, L. I. (2021). Discursive integration in the communicative space of convergent radio. *Language and culture*, 54: 8—24. DOI: 10.17223/19996195/54/1. (In Russ.).
- Fillmore, C. J. (1982). Frame semantics. In: *Linguistics in the Morning Calm: Selected Papers from SICOL-1981*. Seoul: Hanshin Publ. 111—137.
- Iriskhanova, O. K. (2014). *Focus games in language: semantics, syntax and pragmatics of defocusing*. Moscow: Languages of Slavic Culture. 320 p. ISBN 978-5-9551-0678-6. (In Russ.).
- Katsev, A. M. (1988). *Linguistic taboo and Euphemia*. Leningrad: Leningrad State Pedagogical Institute named after A. I. Herzen. 80 p. (In Russ.).
- Krysin, L. P. (1994). Euphemisms in modern Russian speech. *Russian Studies*, 1—2: 28—49. (In Russ.).
- Lakoff, G., Johnson, M. (1980). *Metaphors we live by*. Chicago: Univ. of Chicago Press. 256 p. ISBN 978-0-226-46801-3.
- Malyuga, E. N., Petrosyan, G. O. (2024). Pragmatic presupposition in the headlines of English-language business media as an element of manipulative rhetoric. *Bulletin of Tomsk State University. Philology*, 91: 104—130. DOI: 10.17223/19986645/91/6. (In Russ.).
- Malyuga, E. N., Tomalin, B. (2025). A functional-pragmatic approach to wealth-related euphemisms study in business discourse. *Russian Journal of Linguistics*, 29 (3): 473—491. DOI: 10.22363/2687-0088-44130.
- Moskvin, V. P. (2017). *Euphemisms in the lexical system of the modern Russian language*. Moscow: URSS. 262 p. ISBN 978-5-9710-4522-9. (In Russ.).
- Porokhnitskaya, L. V. (2014). *Conceptual foundations of euphemism in language (based on the material of English, German, French, Spanish and Italian)*. Author’s abstract of PhD Diss. Moscow. 45 p. (In Russ.).

- Romanov, S. I. (2021). *The linguocultural aspect of the euphemisms of the Russian language*. PhD Diss. Tula. 175 p. (In Russ.).
- Shcherbinina, Yu. V. (2006). *Verbal aggression*. Moscow: URSS. 360 p. ISBN 978-5-382-00631-4. (In Russ.).
- Shubina, E. L., Shelekhova, R. S. (2025). Euphemization within Migration Discourse in German Journalism. *Nauchnyi dialog*, 14 (3): 156—176. <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2025-14-3-156-176>. (In Russ.).
- Teliya, V. N. (1977). Secondary nomination and its types. In: *Language nomination (Types of names)*. Moscow: Nauka Publ. 129—221. (In Russ.).
- Vavilova, L. N. (2003). On the question of the euphemization of modern Russian speech. In: *Russian and comparative philology: a systemic and functional aspect*. Kazan: [b. i.]. 40—44. (In Russ.).
- Zabotkina, V. I., Pozdnyakova, E. M. (2022). Cognitive mechanisms of manipulative euphemization. *Questions of cognitive linguistics*, 4: 55—64. DOI: 10.20916/1812-3228-2022-4-55-64. (In Russ.).
- Zvereva, M. I. (2023). *Euphemisms in modern journalism as indicators of the state of the linguistic environment*. PhD Diss. St. Petersburg. 164 p. (In Russ.).

*The article was submitted 06.12.2025;
approved after reviewing 11.04.2026;
accepted for publication 30.04.2026.*